

Научная статья

УДК 93(94)

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-98-110

АНАЛИЗ ЭПОХИ НАРОДНИЧЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Л. Н. ТОЛСТОГО, Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И И. С. ТУРГЕНЕВА

Камнева Г. П.¹, Сотников А. А.^{1*}, Сотников С. А.²

¹ Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

² Главный информационно-вычислительный центр министерства культуры России

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: microlabusssss@mail.ru

Поступила в редакцию 16.11.2025

После доработки 28.12.2025

Принята к публикации 15.01.2026

Аннотация

Цель. Анализ отражения идей народничества в русской литературе XIX – начала XX вв. В качестве примера рассмотрены взгляды Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева.

Процедура и методы. Проведён анализ народнического движения через призму мировоззрения писателей русской литературы в историческом осмыслении, историографический анализ взглядов и оценок отечественных исследователей на протяжении эпох. Теоретико-методологическая база исследования: описательный метод (приёмы наблюдения, сопоставления, обобщения), источниковедческий анализ, биографический метод, метод анализа и метод моделирования.

Результаты. Показана взаимосвязь творчества русских писателей и идей революционных народников.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы для проведения внеурочной проектной деятельности.

Ключевые слова: движение народовольцев, радикализация общественного движения, мировоззрение русских писателей, анализ эпохи народничества, оценка отечественных исследователей народничества

Для цитирования:

Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А. Эпоха народничества через призму мировоззрения писателей русской литературы: Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 98–110.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-98-110

Original research article

ANALYSIS OF THE POPULISM ERA THROUGH THE LENS OF THE WORLDVIEW OF RUSSIAN WRITERS: L.N. TOLSTOY, F.M. DOSTOEVSKY, AND I.S. TURGENEV

G. Kamneva¹, A. Sotnikov^{1*}, S. Sotnikov²

¹ Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

² Main Information and Computing Center of the Russian Ministry of Culture Moscow,
Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: microlabussssss@mail.ru

Received 16.11.2025

Revised 28.12.2025

Accepted 15.01.2026

Abstract

Aim. An analysis of how populist ideas were reflected in Russian literature of the 19th and early 20th centuries. The views of Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, and Ivan Turgenev are examined as examples.

Methodology. The analysis of the populist movement through the prism of the worldview of Russian literature writers in historical reflection, historiographical analysis of the views and assessments of domestic researchers throughout the ages. Theoretical and methodological base of research: descriptive method (observation, comparison, generalization techniques), source analysis, biographical method, analysis method and modeling method.

Results. The study demonstrates a connection between the works of Russian writers and the ideas of the populist movement.

Research implications. The practical significance of this research lies in the fact that historical materials can be used for extracurricular project activities.

Keywords: populist (Narodnik) movement, radicalization of the social movement, worldviews of Russian literary writers, analysis of the populist (Narodnik) era, assessment of Russian researchers of populist movement (Narodnikism)

For citation:

Kamneva, G. P., Sotnikov, A. A., Sotnikov, S. A. (2026). The populism era Through the Lens of the Worldviews of Russian Writers: Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, and Ivan Turgenev In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 98–110.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-98-110

Введение

Народничество – социальное идеологическое течение в России второй половины XIX в., в рамках которого главной целью объявлялось сближение интеллигенции с народом для построения общинного социализма.

В интеллигенцию входили люди, имевшие высшее образование и занимавшие-

ся умственным трудом: представители дворянского сословия, разночинцы, военные и гражданские чиновники и многие другие. Но большую часть населения Российской Империи составляли именно крестьяне, которые имели низкий уровень образования и жизни в целом.

Народническая философия была связана с критикой того обстоятельства, что

образованное общество потеряло связь с крестьянским сословием, и этот разрыв становился всё сильнее с каждым годом. Связь нужна для строительства социалистического общества, где больше не существует никаких сословий, и все люди равны между собой. Главная опора социализма – бесправные земледельцы, на которых сосредоточено всё внимание. Только в них есть истинная справедливость, т. к. они не подвержены влиянию извне. Они сильнее страдают, переносят тяготы жизни, и при этом их абсолютное большинство. А значит, они являются настоящим лицом русской нации.

Война 1812 г. развила чувство национальной идентичности, способствовала формированию русского языка. Идеология была сформирована путём искусственной изоляции, когда у интеллигенции появилась жажда сближения, стремление разрушить стены.

«Социалисты-революционеры» (именно так называли себя народovolьцы) не отказались от мысли поднять крестьянство на социальную революцию, по-прежнему видя в нём, а не в рабочих, свою главную силу. Правда, в отличие от своих предшественников, самостоятельность народных масс, их политическое и гражданское сознание они собирались развить уже после свержения самодержавия. Поражение «Народной воли», резкий спад практического революционного движения после событий 1 марта 1881 г., неудачные попытки создать новую организацию народников – всё это означало, что крестьянский общинный социализм в качестве революционной теории и главного знамени освободительного движения себя исчерпал [1].

1 марта 1881 г. в истории России произошли 2 судьбоносных, но почти противоположных по своему значению события. Во-первых, император Александр II дал согласие на обсуждение 4 марта в Совете министров проекта, подготовленного министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым, о созыве 2 комиссий по

административно-хозяйственным и финансовым вопросам для обсуждения будущих реформ, получившего впоследствии в историографии название «конституция М. Т. Лорис-Меликова». Несмотря на то, что это не было конституционным проектом в прямом смысле, его реализация действительно могла способствовать постепенной эволюции государственного строя Российской империи в направлении конституционной монархии. Во-вторых, в этот день народovolьцы совершили очередное покушение на Александра II, в результате которого он был убит. Убийство императора резко изменило политическую ситуацию в стране и поставило под сомнение реализацию проекта М. Т. Лорис-Меликова, учитывая консервативные взгляды наследника престола великого князя Александра Александровича и влияние на него ещё большего консерватора К. П. Победоносцева [2].

Народничество во многом предопределило будущее России. И в наше время заметны его отголоски. Критика капитализма, стремление к коллективизму и вера в особый путь – все эти характерные черты впервые были сформулированы народovolьцами.

Творчество писателей той эпохи стало отражением происходивших событий. Произведения знаменитых авторов являлись способом высказаться и передать свои мысли не только современникам, но и будущим поколениям. Романы «Бесы», «Отцы и Дети» стали классикой русской литературы.

Оценки историками представления народничества в русской литературе претерпевали изменения в зависимости от изменения политической ситуации в России [3].

«Первые русские социалистические идеи были буквальным переносом, воодушевлением тем или иным из западноевропейских идей – при этом и в 1830-е, и в 1840-е очень далёкими от политических импликаций сами по себе, оказываясь политически значимыми через сочетание с

другими устремлениями – республиканского, демократического плана» [4, с. 49].

Помимо произведений классиков русской литературы, для понимания заданной темы необходим также анализ работ классиков народнической мысли: трудов П. Л. Лаврова (например, «Исторические письма, и народники-пропагандисты», где прослеживается мнение учёного о значимости истории и других наук); труда М. А. Бакунина «Исповедь и письмо Александру II», написанного в тюрьме, где он отрекается от своих былых политических взглядов, признаёт свою вину и понимает высокую значимость самодержавия. Благодаря этому историческому источнику можно проследить как и каким образом тюрьма оказывает давление на заключённого. Изучены монографии современных исследователей: Г. Н. Мокшина [5], А. В. Воронихина [6], Б. Н. Тихомирова [7], Ю. А. Зеленина [8] и др. Мокшин рассматривает дискуссии и полемику в историографии между историками (в частности историка Троицкого), Зеленин – различные оценки историков о принадлежности Л. Н. Толстого к движению народничества [9]; Б. Н. Тихомиров – историю «Катехизиса революционера», роль этой доктрины и отношение участников к этому документу; Н. Д. Литвинов в работе «Вера Засулич, боевик нетрадиционной войны» [10] изучает происходившие события с точки зрения внешней политики и взаимоотношений с Западом, где Европа является главным виновником в формировании террористических кружков. Работа является поверхностной, и деятельности Веры Засулич уделено мало внимания. Игнорируются и другие внутренние проблемы того времени: системный кризис, нерешённые вопросы касательно земли и крестьянства. Самодержавие как явление показывается только с лучшей стороны. Однако, в отличие от других авторов, эта монография поднимает тему иностранного вмешательства, что с точки зрения геополитики является возможным.

В. А. Китаев рассмотрел отношение писателя И. Тургенева к революционному делу через его оценку революции 1848 г. во Франции и материальную помощь революционерам-эмигрантам. Ю. С. Финько изучила взгляд Ф. Достоевского на движение народничества на основе дневников писателя и его произведений, обозначив основные черты его концепции христианского народнического социализма [11]. Писатели, в т. ч. Достоевский, подмечали и отражали в своих произведениях появление «новых людей» и присущих им новых взглядов. В. Ю. Захаров поднял вопрос о проекте «конституции» М. Т. Лориса-Меликова [2], которую можно рассматривать и в контексте реакции власти на идеи народников, и в связи с борьбой придворных группировок за власть (линия Лорис-Меликов – Победоносцев), а также в контексте борьбы внутри царской семьи в связи с планами Александра II объявить детей от княгини Екатерины Долгоруковой законными наследниками.

Любой исторический процесс оказывается средоточием разных интересов и общественных процессов. В результате чего, стремясь к одному, политические деятели очень часто вызывают совершенно иные, подчас прямо противоположные, последствия. Несомненно, взгляды писателей оказывают влияние на умы молодёжи (см., например [12]), становясь самостоятельным фактором и часто раздувая до невероятных размеров то, что могло бы быстро затухнуть.

Народничество во взглядах классиков русской литературы (И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского)

Русская классическая литература всегда служила точным отражением социально-экономических и нравственных проблем российского общества. Литературный процесс, неразрывно связанный с контекстом своей эпохи, активно способствовал формированию передовых социальных воззрений. Позиция авто-

ров, будь то выраженная открыто или завуалированно, неизменно находила понимание у читателей и вызывала широкый общественный резонанс.

Народничество, так же, как и любое другое социально-политическое движение, оказало влияние на русское национальное самосознание и, как следствие, на русскую культуру. Особенно заметным это воздействие было в 1870–1880-е гг. XIX в. В литературе даже сформировалось отдельное направление – «народническая беллетристика», представленная такими авторами, как Г. Успенский, Н. Златовратский, Е. Каротин, П. Засодимский и др. Однако наиболее значимой фигурой в этом контексте, несомненно, является Л. Н. Толстой, чьё мировоззрение иногда характеризуют как особую форму народничества – религиозное народничество. Неудивительно, что о Толстом и его учении активно писали практически все видные представители революционно-социалистического народничества, включая П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского.

В 1860-е годы Л. Н. Толстой, находясь под сильным впечатлением от разрыва с кругом П. Г. Чернышевского, относился к движению народничества крайне враждебно. Это проявилось в двух его «антинигилистических» пьесах: «Заражённое семейство» (1864) и «Нигилист» (1866). Подтверждением антинигилистических настроений Толстого того периода служит и его негодующий отклик на покушение народника Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.

Однако к 1870-м гг. взгляды писателя меняются. Народничество становится для него залогом оздоровления России. Толстой смог оценить народников как «лучших, высоконравственных, самоотверженных, добрых людей». Он начал изображать их именно такими: среди них – политические ссыльные Сименсон, Набатов, Щетинина, Крыльцов из романа «Воскресение», а также герой рассказа «Божеское и человеческое» (1906) Свет-

логуб, прототипом которого стал реальный Дмитрий Лизогуб.

По мнению Толстого, деятельность революционеров-пропагандистов была «законной». Он отмечал, что «им задержали эту деятельность — явились бомбы...» и подчёркивал: «Нельзя запрещать людям высказывать друг другу свои мысли о том, как лучше устроиться. А это одно, до бомб, делали наши революционеры».

Ещё до суда над первоапрельцами, Толстой написал письмо Александру III, в котором убеждал царя в бесплодности репрессий против революционеров: «убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий недостаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который был бы выше их идеала, включал бы в себя их идеал».

Как и многие другие приверженцы народнического движения, писатель отрицал путь капитализма и поддерживал крестьянское сословие; благодаря Л. Толстому появляется его авторская версия народнической идеологии, вошедшая в историю под названием «толстовство». В отличие от народников-террористов, Толстой отрицал революционный путь. Поэтому некоторые историки, например, В. Г. Хорос, отмечали у Толстого только лишь «народнические тенденции» [13].

Идеолог П. Л. Лавров в своём труде «Старые вопросы (Учение графа Л. Н. Толстого)» характеризует взгляды Толстого как «слепое народничество» и критикует его за отрицание науки, искусства и за проповедь «непротивлению злу силою». Д. Н. Овсянко-Куликовский называет мировоззрение писателя «новой вариацией старого народничества» [9, с. 277].

Среди виднейших писателей-реалистов, не разделявших революционных методов преобразования действительности, но утверждавших своим творчеством настоятельную потребность в

таких переменах, особое место занимает И. С. Тургенев. Его проза, представленная романами, повестями и рассказами, являлась излюбленным чтением передовой молодёжи, впоследствии вовлечённой в движение «в народ» и революционную деятельность. Значительное влияние Тургенева на русское общество было отмечено в работах П. Л. Лаврова, С. М. Степняка-Кравчинского и других исследователей.

Не все писатели разделяли симпатии к народовольцам. Одним из тех, кто активно «разоблачал» их, стал Ф. М. Достоевский.

Достоевский прошёл сложный путь в своём отношении к социально-политическим изменениям в стране. В первой половине XIX в. он разделял социалистические идеалы и состоял в кружке петрашевцев. Тогда он был известен среди нигилистов как активный сторонник революции, убеждённый в необходимости восстановления потерянной связи между народом и интеллигенцией, не дающей народу воспринимать достижения европейской цивилизации. Но Достоевскому и тогда были чужды радикальные идеи, поскольку западные социалистические проекты шли в разрез с русским национализмом.

Арест, каторга, показательная казнь, армия и ссылка в Сибирь сильно сказались на взглядах писателя. Достоевский окончательно принял позицию, что России вместо разрушения необходимо медленно, но грамотно подходить к изменениям. И этот способ намного лучше любой кровавой революции. Так, вместо нигилизма, анархии и социализма Ф. М. Достоевский переходит к консервативному течению и идёт по пути православия.

Неистребимость революционного движения приводила бывшего петрашевца в ярость и смятение. Обстоятельства предоставили ему богатый материал для нанесения, как он считал, сокрушительного удара по противникам. В ноябре

1869 г. в парке Земледельческой академии 5 членов революционной организации «Народная расправа» заманили в отдалённую часть парка своего товарища, который ставил под сомнение распоряжения руководителя организации С. Г. Нечаева, и зверски убили его. В Москве и других городах страны начались аресты. Первые же допросы выявили, что основой политической борьбы Нечаев провозглашал вседозволенность, используя в революционной практике подлог, шантаж, мистификации и убийства для достижения целей.

«Нечаевское дело» потрясло Достоевского, давно вынашивавшего замысел обратиться к теме революционеров, нигилистов и противников традиционных устоев. Писатель был в ужасе, увидев, куда бывшие соратники толкают Россию. В результате появился роман-памфлет «Бесы» с гротескными персонажами, призванными предупредить о нависшей угрозе, прокричать о губительных увлечениях, разрушающих устои. В этом произведении Достоевский стремился покаяться в своих прежних заблуждениях и осмыслить страдания, пережитые в молодости и преследовавшие его более 20 лет.

В романе «Бесы», опубликованном в «Русском вестнике» в 1871–1872 гг., Достоевский изобразил народников, с которыми был лучше всего знаком по «нечаевскому делу». Автор стремился не столько опровергнуть революционеров и их теории, которые, по его мнению, не заслуживали полемики, сколько скомпрометировать их, показать их уродливость, беспринципность и нравственный цинизм.

Как и предполагал писатель, его литературное произведение спровоцировало лавину разнообразных и полярных рецензий. Выход в свет «Бесов», творения, как метко отметил М. Е. Салтыков-Щедрин, «руками, дрожащими от гнева», породил настоящую бурю негодования, охватившую как круги народников, так и литературное сообщество.

Достоевский наряду с другими критиками становится одним из главных идеологов «почвенничества» [11]. Главная цель этой доктрины – найти истинную, присущую только русскому народу, мысль, которая вобрала в себя всё самое лучшее от славянофильства и западничества. Название этого идеологического направления обыгрывало понятие «народная почва», воссоединиться с которой предлагалось русскому обществу. Очень ярко это выразилось в его романе «Братья Карамазовы».

Противником нигилизма оказался и И. С. Тургенев, определивший своё отношение в романе «Отцы и дети», где он критикует популярную в то время идею нигилизма: главный герой Базаров отрицает любовь, дружбу и любые человеческие ценности. В негативном смысле затронута тема революционного народничества и в романе «Новь».

В романе «Новь» Тургенев мастерски уловил и художественно передал зарождающееся народническое движение начала 1870-х гг. Анализируя Россию пореформенной эпохи и размышляя о её будущем, писатель пришёл к выводу, что дворянство как класс исчерпало свою историческую роль. Оно не только не способствовало развитию прогрессивных общественно-экономических отношений, но и активно препятствовало ему. Идею дальнейшего поступательного развития России в «Нови» Тургенев связал не с дворянством, а с выходцами из народа, с простыми и находчивыми Соломинами.

После «Нови» Тургенев создал стихотворения в прозе «Чернорабочий и белоручка» (1878) и «Порог». Хотя литературоведы, как правило, относят «Порог» к 1878 г. связывая его с делом Веры Засулич, некоторые современники Тургенева, например П. Л. Лавров, А. И. Зунделевич и Н. С. Русанов, утверждали, что произведение было написано как реакция на казнь С. Л. Перовской в 1881 г.

Тургенев причислял себя к либералам, выступал за постепенные реформы. Писатель искренне верил в возможность объединения старого поколения (либералов) с новым (народничеством), чтобы довершить начатые реформы 1861 г. Он готов был взять на себя центральную роль в русском освободительном движении и мечтал вернуться в Россию.

Писатель не верил, что народovolьцы могут навредить царю. Но когда произошло покушение Соловьёва на Александра II, то он остро осудил революционеров, посчитав, что этот поступок усилит конфликт между правительством и радикальной молодёжью, кроме того, может пострадать и либеральная общественность, не имевшая никакого отношения к подобным делам. И. Тургенев верил в то, что Александр II и его реформы помогут преобразовать Россию и избежать насильственного свержения власти. А его убийство может просто прервать поэтапный прогресс, накопленный на протяжении многих лет. Тургенев верил, что реформы должны происходить только сверху, а не снизу, от нижних слоёв населения.

Писатель всячески выступал против революции и насилия. Считал, что пореформенная Россия пока не готова к свержению старого порядка, т. к. нет единой силы, у которой была единая цель. Если во Франции все были единодушны, то у Российской империи общее течение отсутствовало, и вместо него были реакционеры, либералы и радикалы.

Убийство Александра II потрясло Тургенева, и в письме к П. В. Анненкову выразил надежду, что преемник царя не будет мстить, а предпримет наказание, тем самым предупредив общество. Писатель оплакивал в этой ситуации обе стороны: погибшего в муках царя и тех, кто его убил. По его мнению, та борьба, которая велась нигилистами-народниками не имела под собой никакого смысла и только мешала государственным преобразованиям.

П. Л. Лавров и его современники указывали на неистовое и негативное отношение Тургенева к деятельности организации «Народная воля». Писатель был разочарован в молодёжном движении. Историк Н. К. Пиксанов отметил, что никто другой, как автор «Нови», активно интересовался движением народничества; общался с представителями революционного движения – Лавровым, Лапатыным. Несмотря на попытки народников склонить И. С. Тургенева на свою сторону, он непоколебимо продолжал придерживаться своей чёткой позиции. При этом он вдохновлялся радикальной молодёжью и женщинами-террористками готовыми лишиться всего, что у них есть в жизни. Посвящал им стихотворные прозы и целые романы.

Российская историография о народничестве

Тема народничества в историографии обсуждается до сих пор (см. например [14]). На протяжении десятилетий оценка по отношению к народничеству неоднократно менялась. Так в 1920-х и в первой половине 1930-х гг. историки Ю. М. Стеклов, С. И. Мицкевич, М. Н. Покровский, И. А. Теодорович и Б. И. Горев рассматривали это движение как прямого предшественника большевизма. Н. Н. Батулин наоборот критиковал позицию Мицкевича и считал, что приёмником русского якобинства являются вовсе не большевики, а социал-революционеры. Ю. М. Стеклов считал М. А. Бакунина «...первым основоположником идеи Советской власти». Е. М. Ярославский видел ошибки народничества в непонимании устройства общества, в непонимании сути капитализма, роли государства, крестьянской общины и других аспектов. Всякое государство воспринималось народничеством как абсолютное зло, и они не верили, что народ может построить свою собственную иерархию. Тем не менее историк выделил и положительные итоги этого движения. Например, они

смогли поднять огромное количество разночинцев на путь революционной борьбы, что, в свою очередь, способствовало распространению пропаганды.

В. И. Ленин неоднократно упоминал Н. И. Кибальчича, С. Н. Халтурина, А. И. Желябова и И. Н. Мышкина ярких представителей народнического движения, ставших образцами подражания для целого поколения. По его мнению, их революционная активность хотя и не привела к успеху, будучи направлена неправильным путём, но показала неустойчивость царского режима. Усиление власти И. В. Сталина во второй половине 1930-х гг. сопровождалось негласным запретом на положительную оценку народников. Органы госбезопасности репрессируют оставшихся в живых представителей эсеровской партии, считавших себя прямыми наследниками идей народничества. А террор как метод борьбы с государственной жестокостью объявляется в СССР одним из самых страшных государственных преступлений. При Н. С. Хрущёве, на фоне осуждения сталинских репрессий на XX съезде КПСС, отношение к народникам становится более терпимым. В советской историографии было принято подчёркивать их политическую незрелость, но сочувствовать их жертвенности. Одновременно с этим всячески не приветствовался анализ какой-либо связи между идеями народников и работами русских экономистов-крестьяноведов, подвергнутых репрессиям (А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева и других).

С распадом СССР и уменьшением цензуры в научных кругах началась дискуссия по поводу революционного терроризма. «Спор историков» о народниках не оказал существенного влияния на общество. По сути, спор шёл о праве представлять официальную научную позицию. «Старики» защищали выводы своих старых диссертаций, дающих право на занятие постов в официальной академической науке и в высшей школе. «Молодые» отстаивали своё право сменить ста-

риков. Наиболее заметным из «стариков» оказался саратовский историк Н. А. Троицкий, в активе которого было множество трудов о революционном движении XIX в. Его принято относить к классической советской школе народниковедения, сформированной Н. Г. Седовым. Троицкий считал революционеров героями и мучениками [15]. По его мнению, до проведённого царским режимом в 1878 г. «процесса 1930-х», закончившегося каторгой и ссылкой для большинства активных участников «хождения в народ», протест народников носил исключительно мирный характер и сводился к пропагандистской активности. А «красный террор» народников стал ответом на «белый террор» царской власти¹.

В 1995 г. центр «Мемориал» и объединение молодых историков «Левый исторический клуб» организовали в Москве конференцию, посвящённую политическому террору. Троицкий выступил на ней с программным докладом «Народная воля и Красный террор». «Судьба партии «Народная воля» трагична вдвойне: как субъект истории она прошла сначала сквозь шквал репрессий со стороны царизма (не счесть её жертв – повешенных, расстрелянных, загубленных в тюрьмах и каторжных норах), а потом, уже как исторический объект, – сквозь тернии предвзятых оценок со стороны историков и публицистов, вплоть до сегодняшних. Все её критики – царские, советские и посткоммунистические – изображают «Народную волю» партией террористов, занятой главным образом покушениями на Александра II. Так считали даже некоторые серьёзные историки (М. Н. Покровский, М. В. Нечкина), не говоря уже о многочисленных журналистах, которые ныне дилетантски утрируют такой взгляд»².

Основные тезисы Троицкого сводились к объявлению террора вспомогательным инструментом, используемым «Народной волей». А также к оправданию «красного» террора «белым» террором с указанием на то, что Александр II одобрил не конституцию Лорис-Меликова, но лишь признал её основную мысль, – привлечение общества к обсуждению законов.

Раскритиковав практически всех, кто касался темы народничества, Троицкий вызвал на себя огонь критики со стороны других участников конференции. В частности его позицию раскритиковали Г. С. Кан и Ф. М. Лурье. Первый указывал на мировоззренческие разногласия внутри партии, особенно по поводу террора (в частности, Н. А. Морозов считал террор главным видом политической борьбы). Второй отмечал, что любое покушение, какими бы идеалами оно не подкреплялось, является уголовным преступлением, которое не поддаётся никаким оправданиям.

Надо сказать, что выступление Троицкого и реакция на него прозвучали в ситуации почти полной утраты популярности темы народничества в отечественной историографии, случившейся в 1990-е годы. Кафедра истории России Саратовского университета, где работал историк, оказалась едва ли не единственным оставшимся центром по его изучению.

В дальнейшем Троицкий несколько раз вызывал возрождение спора своими полемическими статьями, в которых в резкой форме обрушивался на коллег по историческому цеху. В 1997 году молодой историк Г. С. Кан публикует монографию, посвящённую организации «Народная воля». Оценка народовольцев Каном была резко негативной. Троицкий публикует рецензию, где называет книгу Кана ещё одним судом над народовольцами.

Спор Кана и Троицкого, как и все прочие обсуждения темы, содержал в себе больше полемики, чем фактологии. Не-

¹ Троицкий Н. «Народная воля» и её «красный террор» [Электронный ресурс] // Скепсис: научно-просветительский журнал: [сайт]. URL: https://sceptis.net/library/id_744.html?ysclid=mn5oyj9uui455511616 (дата обращения: 16.10.2025)

² Там же.

сомненно, однако, что речь шла о выборе оценки прошлого, определяющем оценку настоящего.

В начале 1999 года журнал «Отечественная история» опубликовал материалы круглого стола, посвящённого издаваемому в Саратове сборнику «Освободительное движение в России». Большая часть участников круглого стола – Е. Л. Рудницкая, С. В. Тютюкин, В. Я. Гросул, В. А. Твардовская, Б. С. Итенберг и О. И. Киянская – выступили с очередным «разоблачением» идей Троицкого. Твардовская и вовсе предложила переименовать сборник «Освободительное движение в России» в «Саратовские исторические записки», подчеркнув, что считает мнение Троицкого маргинальным. Главным в критике стало неприятие марксистского взгляда на историю народнического движения.

Наиболее взвешенная позиция относительно традиционного, марксистского взгляда на народничество принадлежит Р. А. Арсланову. Арсланов видел недостатки народничества в плохой теоретической программе, делающей её невозможной в реализации. В 2000-х гг. от оголтелого неприятия марксистского подхода, – и, в частности, ленинской трактовки народничества как второго этапа российского освободительного движения, – к попытке соединить «левый» и «правый» подходы. Удивительным образом, историки отталкивались при этом от работ Троицкого. Будучи провинциальным историком, он, тем не менее, оставил после себя самые фундаментальные работы по исследуемой теме.

В сегодняшний дискурс о народничестве добавились также различные конъюнктурные оценки. Например, историк Н. Д. Литвинов объявил народничество частью «гибридной» войны Запада против России, таких взглядов придерживается [10]. Автор считает, что Европа использует оппозиционный резерв для подрыва внутрисоциальной обстановки в России. «Гибридную» войну Запад начал

как раз после отмены крепостного права. Литвинов называет первую организацию «Земля и воля» структурой Запада. Внутрисоциальная обстановка взаимосвязана с геополитическими событиями. Так, «хождение в народ», целью которого являлось поднятие крестьян на восстание, и есть часть нетрадиционной войны. В это время Российская империя активно расширяла своё влияние в сторону Средней Азии. Именно это и стало раздражать Англию, т. к. она опасалась за свои колониальные владения.

При этом, никто из историков не пытался исследовать вопрос о перекличке идей народников и русских писателей. В частности, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Между тем, это направление исследования позволяет показать народничество в контексте развития русского общества XIX века и ответить окончательно на вопрос, было ли оно «естественным» для России.

Заключение

Народничество – это идеологическое течение, направленное на достижение всеобщего равенства, сориентированное на крестьянскую общину как социальный идеал. Его истоки и общественное значение в значительной мере связаны с русской литературой XIX вв., находившейся, как и вся русская общественная мысль, под очень сильным влиянием немецкой и французской философии. Движение народников было неоднородным: несмотря на общие черты и идеи, каждый представитель движения по-разному видел будущее России и использовал разнообразные методы борьбы [16]. Были анархисты, пропагандисты, сторонники «теории заговора» и многие другие. Взгляды народников в их неоднозначности причудливым образом совпадают с такой же неоднозначностью политических оценок русских писателей. Как и писатели, народники были выходцами из дворянского, купеческого, духовного сословий, имели доступ к образованию и, в

отличие от крестьян, жили в более комфортных условиях. Кто-то выступал за идею социализма и всеобщего равенства и искренне верил в возможность изменений. А кто-то преследовал свои личные корыстные интересы.

Становясь в своих европейских путешествиях свидетелями европейских революций, русские писатели переносили идеи этих революций на русскую почву. Где они не имели социальной основы. Но заражённые идеями писателей, народники попытались реализовать эти идеи в России, потерпев ожидаемое поражение. Увидев расхождение теории и практики, писатели и народники стали ратовать за адаптацию западных идей с позиции национальной идентичности.

Резюмируя, можно выдвинуть гипотезу о параллельном развитии в России XIX в. народнической идеологии и художественной литературы, сочувствующей народничеству и превозносящей его до масштабов почти что всенародного движения. В то время как, по сути, движение это было малочисленным и маргинальным, оторванным от народа и не понятым им. Что нимало не смущало ни его представителей, ни русских писателей, находивших в народничестве общие черты с европейским революционным движением. Насколько эта гипотеза соответствует реальности, может продемонстрировать обстоятельное исследование о связи народнической идеологии и творчества русских писателей XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокшин Г. Н. Эволюция идеи «Революционной правоспособности масс» в идеологии левого народничества 1870-х – начала 1880-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 82–91.
2. Захаров В. Ю., Иванова А. Н. Проект «конституции» М. Т. Лорис-Меликова: была ли возможна его реализация после прихода к власти Александра III // Гуманитарный вестник. 2024. № 4. С. 1–16.
3. Степаненко А. О. Осмысление идеологии народничества и его оценка экономической мысли в XIX–XX веке // Лучшая научно-исследовательская работа 2018: сборник статей XII Международного научно-практического конкурса / под общей редакцией Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 166–169.
4. Тесля А. А. Русские социалисты в поисках частно-воплотимого будущего // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8. № 2. С. 48–73.
5. Мокшин Г. Н. Русское легальное народничество 60–90-х гг. Воронеж: Научная книга, 2010. 299 с.
6. Воронихин А. В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М.; Саратов: Common place, 2020. 400 с.
7. Тихомиров Б. Н. «Катехизис революционера» Сергея Нечаева: исторический документ и его роль в творческой истории романа «Бесы» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. № 3 (7). 2019. С. 162–178. DOI: 10.22455/2619-0311-2019-3-162-178.
8. Зеленин Ю. А. Советская историография классического народничества в России: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 240 с.
9. Зеленин Ю. А. К вопросу о принадлежности Л. Н. Толстого к народничеству // Учёные записки Алтайского филиала Российской Академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2016. № 12–13. С. 276–281.
10. Литвинов Н. Д. Вера Засулич, боевик нетрадиционной войны // Научно-исследовательские публикации. 2018. № 4. С. 5–32.
11. Финько Ю. С. Русское народничество в исторических взглядах Ф. М. Достоевского // Голос минувшего. 2016. № 3–4. С. 44–51.
12. Игнатченко И. В. Интеллектуалы и власть: казус В. Гюго // Свободная мысль. 2023. № 3 (1699). С. 178–187.
13. Плимак Е. Г., Хорос В. Г. «Народная воля»: история и современность // Вопросы философии. 1981. № 5. С. 97–112.

14. Лаврентьев М. В. Условия содержания членов партии «Народная воля» в Шлиссельбургской тюрьме в 1884–1905 гг. // История и историческая память. 2022. № 25. С. 88–93.
15. Мокшин Г. Н. Н. А. Троицкий и современное российское народниковедение // История и историческая память. 2016. № 13-14. С. 140–151.
16. Должиков В. А., Зеленин Ю. А. Классическое народничество: социальные истоки и политико-идеологический смысл // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 94–98. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-14.

REFERENCES

1. Mokshin, G. N. (2022). Evolution of the idea of "Revolutionary legal capacity of the masses" in the ideology of left populism of the 1870s – early 1880s. In: *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 3, 82–91 (in Russ.).
2. Zakharov, V. Yu. & Ivanova, A. N. (2024). Draft "constitution" M. T. Loris-Melikov: was it possible to implement it after Alexander III came to power. In: *Humanitarian Bulletin*, 4, 1–16 (in Russ.).
3. Stepanenko, A. O. (2018). Understanding the ideology of populism and its assessment of economic thought in the 19th–20th centuries. In: *Best research work 2018: collection of articles from the XII International scientific and practical competition*. Penza: MCNS "Science and Education", pp. 166–169 (in Russ.).
4. Teslya, A. A. (2024). Russian socialists in search of a privately embodied future. In: *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 8 (2), 48–73 (in Russ.).
5. Mokshin, G. N. *Russian Legal Narodism of the 60–90s*. Voronezh: Nauchnaya Kniga publ. (in Russ.).
6. Voronikhin, A. V. (2010). *Vera Nikolaevna Figner. A Look at the Woman of Russian Revolutions from the 21st Century*. Moscow; Saratov: Common Place publ. (in Russ.).
7. Tiknomirov, B. N. (2019). Sergey Nechaev's "A Revolutionary's Catechism". A Historical Document and Its Role in the Creative History of The Demons. In: *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 3 (7), 162–178. DOI: 10.22455/2619-0311-2019-3-162-178 (in Russ.).
8. Zelenin, Yu. A. (2009). *Soviet historiography of classical populism in Russia* [dissertation]. Barnaul (in Russ.).
9. Zelenin, Yu. A. (2016). On the question of L. N. Tolstoy's belonging to populism. In: *Scientific notes of the Altai branch of the Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation*, 12–13, 276–281 (in Russ.).
10. Litvinov, N. D. (2018). Vera Zasulich, fighter of non-traditional war. In: *Journal of Scientific Research Publications*, 4, 5–32 (in Russ.).
11. Finko, Y. S. (2016). Russian narodnik movement in F. M. Dostoyevsky's historical views. In: *Voice of the Past*, 3-4, 44–51 (in Russ.).
12. Ignatchenko, I. V. (2023). Intellectuals and power: the case of V. Hugo. In: *Free Thought*, 3 (1699), 178–187 (in Russ.).
13. Plimak, E. G. & Khoros, V. G. (1981). "The People's Will": History and Modernity. In: *Voprosy Filosofii*, 5, 97–112 (in Russ.).
14. Lavrentiev, M. V. (2022). Conditions of detention of members of the Narodnaya Volya Party in the Shlisselburg Political Prison in 1884–1905. In: *History and historical memory*, 25, 88–93 (in Russ.).
15. Mokshin, G. N. (2016). N. A. Troitsky and modern Russian narodnikovedeniye. In: *History and historical memory*, 13-14, 140–151 (in Russ.).
16. Dolzhikov, V. A. & Zelenin, Y. A. (2017). Classical Narodnik Movement: Social Sources and Political and Ideological Sense. In: *Izvestiya of Altai State University*, 2 (94), 94–98. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Камнева Галина Петровна (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Сотников Андрей Александрович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: microlabussssss@mail.ru

Сотников Сергей Александрович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, начальник управления Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации;
e-mail: sergey-sa2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina P. Kamneva (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Andrey A. Sotnikov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: microlabussssss@mail.ru

Sergey A. Sotnikov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of Main Information and Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation;
e-mail: sergey-sa2007@yandex.ru